

УДК 1+341.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.049

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ НЕТРАДИЦИОННЫХ ВОЙН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. Ковалев

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрено влияние изменений геополитической, техногенной и социокультурной реальности начала XXI века на характер войн и применение международного гуманитарного права (право вооруженных конфликтов). Проанализированы проблемы определения и классификации нетрадиционных войн, а также специфические особенности таких войн, включая их трансграничный характер и участие вооруженных негосударственных субъектов. Выявлены основные характеристики нетрадиционных войн и их отличие от традиционных войн, а также проблемы в классификации вооруженных конфликтов на основе Женевских конвенций. Отмечено, что нетрадиционные войны плохо вписываются в предложенную международным гуманитарным правом классификацию и что стандартные нормы и ценности, регулирующие взаимоотношения между нациями, подвергаются переосмыслению из-за войн нетрадиционного типа. Доказано, что в нетрадиционных войнах даже собственные граждане могут стать мишенями в рамках информационной войны. Сделан вывод о том, что существует необходимость переосмысления основ, на которых строятся наши правовые и моральные системы, особенно в свете сложностей классификации нетрадиционных войн.

***Ключевые слова:** нетрадиционная война, международное гуманитарное право, Женевские конвенции, Международный комитет Красного Креста, международные и немеждународные военные конфликты.*

Введение

Стремительные изменения геополитической, техногенной и социокультурной реальности в начале XXI столетия не просто привели к тому, что современные войны стало затруднительно регулировать в рамках традиционного международного права. Это свидетельствует о глубокой эволюции человеческого сознания и морали. Старые парадигмы исчезают, уступая место новым, и человечество стоит на пороге новой эры, где привычные границы между добром и злом, правым и неправым становятся размытыми. Потому что существующие правила в современной правовой системе были – по большей части – предназначены для применения к традиционным войнам [2], а не к войнам современного типа. Мы стоим перед вызовом переопределения наших ценностей и понимания мира, чтобы со-

© Ковалев А.А., 2024

ответствовать новой реальности, сохраняя при этом свою человечность и культурное наследие.

Сейчас политики, военные и ученые чаще всего говорят о войнах нетрадиционных, отличающихся от обычной войны не только масштабным применением оружия массового поражения, но и скрытностью или слабой определенностью их методов и участников. Здесь проявляется глубокая дилемма современности: в мире, где границы между реальностью и виртуальностью стираются и где информационные технологии могут воздействовать на массовое сознание так же сильно, как и традиционные средства ведения войны, наша способность определить истинные намерения и действия противника становится все более затруднительной. Однако, несмотря на это, общие или долгосрочные цели таких войн все так же направлены на разгром и капитуляцию противника. Мы стоим перед необходимостью пересмотреть свое понимание власти, контроля и доминирования в этом сложном и быстро меняющемся мире.

Проблема определения и классификации нетрадиционных войн в контексте применимости норм международного гуманитарного права

Нетрадиционные войны в научной литературе подразделяются на асимметричные и гибридные. Это отражение сложной природы человеческого взаимодействия, где борьба за власть и контроль трансформировалась, становясь многогранной и многомерной. При этом гибридные войны включают в себя наряду с обычной, ядерной и химической войнами экономические, санкционные, все разновидности информационных войн, а также прокси-войну. Войны нового типа характеризуются и невиданным ранее применением оружия массового поражения, космической разведки, и добавлением нового поля боя, что говорит о том, что современное ведение войны стало гораздо более интеллектуальным и научным. Более широкое участие наемников, боевиков, религиозных фанатиков на обычном поле боя и разнообразных профессионалов на новом поле боя (IT-технологов, журналистов, психологов, биологов, историков, философов и т. д.) говорит о том, что война стала не просто физическим столкновением, но и столкновением идей, культур и технологий.

Теоретических подходов к выделению типов войн много. Американский политолог Уильям Линд в 1989 г. разделил войны, происходившие в человеческой истории, на четыре поколения [10]. Это зеркало эволюции человеческого общества, где каждое поколение войн отражает изменяющиеся социокультурные ценности, технологии и политические реалии. Термин «поколение войны» используют ныне многие исследователи. Например, немецкий политолог Кристиан Эндресс подчеркивает, что войны «доядерной эпохи» коренным образом отличаются от войн с применением ядерного оружия, которое постоянно совершенствуется [11]. С каждым новым технологическим прорывом сами основы человеческого бытия

и восприятия мира подвергаются изменениям. В данной работе мы будем употреблять обобщающий термин «нетрадиционные войны», чтобы охватить с его помощью широкий круг войн и современных военных конфликтов. При этом стоит отметить, что тактика современных войн направлена не только на достижение открытой военной победы, но и на принуждение противника к капитуляции путем информационной и психологической обработки и тайной, или неофициальной, поддержки одной из сторон существующего конфликта. Эта многогранность подходов к ведению войны подчеркивает сложность человеческой психики и демонстрирует, как глубоко укоренилась в нашем сознании потребность доминировать и контролировать.

Исторический контекст, в котором некогда возникло международное гуманитарное право, характеризовался войнами между государствами, которые велись на поле боя организованными военными армиями враждующих сторон. Эти войны были отражением иерархической структуры традиционных обществ, где честь, национальный интерес и государственная идентичность были ключевыми мотивами для конфликта. Вплоть до начала XX столетия, до эпохи создания оружия массового поражения, потери среди мирного населения были сравнительно невелики. Несмотря на то, что были и другие виды межгосударственных конфликтов, разрешавшихся не на поле боя, а сугубо дипломатическими средствами, кульминацией военных конфликтов обычно являлось заключение мирных договоров – в том числе первых международных договоров в области гуманитарного права. Эти договоры отражали понимание того, что даже в условиях жестокой войны человеческая жизнь и достоинство должны оставаться священными. И вплоть до XX столетия военные конфликты были войнами «клаузевицкого типа», т. е. традиционными войнами. Нетрадиционные войны, однако, имеют иные характеристики и сущностные черты, нежели традиционные войны. Они отражают глубокие изменения в глобальном порядке, где многие из прежних убеждений и ценностей подвергаются сомнению, а новые идеологии и стратегии возникают для противостояния сложным современным вызовам.

Проблема применимости международного гуманитарного права стала актуальной по причине возникновения политических вызовов, которые были спровоцированы войнами нетрадиционного типа. Это является отражением более глубокого культурного и философского изменения, где стандартные нормы и ценности, которые ранее регулировали взаимоотношения между нациями, подвергаются переосмыслению. В подобных условиях в особую группу риска попадают дипломатические отношения и гражданское население.

Особенно в правовой защите в условиях современной войны нуждается именно гражданское население по причине слабой проработки этого вопроса в современном международном гуманитарном праве и всё явственнее проявляющегося агрессивного поведения участников вооружен-

ных конфликтов против мирного населения. Это подчеркивает тот факт, что в эпоху технологического прогресса и глобализации основные вопросы человечества, связанные с этикой, моралью и человеческим достоинством, остаются без ответа.

В данном контексте большое значение имеет, например, соблюдение принципа различия. Суть его сводится к необходимости строго и однозначно дифференцировать комбатантов и мирных жителей. Этот принцип подчеркивает центральное место, которое человеческая жизнь занимает в международном порядке, и указывает на неизменную ценность каждого человеческого существа независимо от его роли в конфликте.

В условиях военного времени соблюдение принципа различия играет значимую роль. Этот принцип отражает глубоко укорененное в человеческой культуре и истории стремление к справедливости и уважению к жизни невинных. Здесь важно исключить подмену понятий, как это произошло, например, после трагических событий в украинском городе Буча в начале апреля 2022 г. Ношение белых повязок местными жителями, контактировавшими с военными российской армии, стало для украинских военных признаком предательства с их стороны. И даже несмотря на то, что все эти контакты происходили исключительно на бытовом уровне (например, обмен продуктами), мирных жителей с белой повязкой признали комбатантами.

В данном случае населенный пункт и его жители фактически перешли под контроль от одной военной силы к другой (к противнику). При этом население оказалось не защищенным ни международным гуманитарным правом, ни национальным законодательством. Это напоминает о хрупкости социального контракта, на который опирается любое общество, и о том, что наши цивилизованные нормы и стандарты могут быть легко подорваны в условиях экстремального давления или кризиса. Однако всё же остается шанс на восстановление справедливости, который должно использовать мировое сообщество, объективно расследовав это военное преступление, найдя виновных и наказав их согласно букве закона. Это не только вопрос правосудия, но и важный момент для поддержания мирового порядка, основанного на уважении к человеческим правам и международному праву.

Таким образом, события последнего времени актуализируют назревшую проблему необходимости правового регулирования нетрадиционных войн, где особая роль принадлежит международному гуманитарному праву. Этот вызов является отражением глубоких изменений в структуре мирового порядка и понимания человечеством своего места и роли в нем. И самая главная сложность данного вопроса сводится к отсутствию однозначного определения дефиниции «нетрадиционная война» как в правовой сфере, так и в науке. Это свидетельствует о том, что мы живем в эпоху перемен и неопределенности, где старые понятия и категории не могут полностью охватить сложность современной реальности. Поэтому в

данном исследовании будет предпринята попытка частично ликвидировать этот пробел, что является не только академическим усилием, но и важным шагом к поиску более справедливого и устойчивого мирового порядка.

Нетрадиционные войны представляют собой форму вооруженной борьбы, где не только государства, но и негосударственные субъекты становятся активными участниками [7]. Такая тенденция, возможно, является следствием растущей сложности глобальной политической структуры, где власть перестает быть монополией государств. В прошлом, когда право объявлять войну было прерогативой суверенных государств, мир подчинялся более четким и узнаваемым правилам. Однако с распадом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в 1991 г. появилась необходимость переосмысления и переоценки структуры мировой безопасности и порядка.

Хотя нетрадиционные войны стали частью мировой действительности уже десятилетия назад, текущие национальные и международные правовые рамки кажутся не способными адекватно реагировать на такие вызовы. Этот разрыв между реальностью и законодательством может указывать на более глубокий кризис в нашем понимании морали, этики и справедливости в современном мире.

Такое положение дел лишает возможности мировое сообщество оперативно и эффективно решать проблемы в области обеспечения международной безопасности. Это иллюстрирует дилемму между сохранением статус-кво и адаптацией к меняющемуся геополитическому ландшафту. Притом само мировое сообщество серьезно обеспокоено этим вопросом. Так, когда началась спецоперация России на Украине по ее демилитаризации и денацификации 24 февраля 2022 г., Европа незамедлительно объявила Россию нарушителем безопасности на европейском пространстве. Российская Федерация удостоилась звания агрессора, оккупанта и так далее, а российский президент В.В. Путин – военного преступника (по недипломатичным заявлениям американского президента Дж. Байдена). Однако, что на самом деле поражает, это насколько легко мировые восприятия и доминирующие нарративы могут изменяться на основе актуальной политической повестки. Без внимания мирового сообщества длительное время оставались такие признаки нетрадиционной войны, как неконтролируемое расширение НАТО на Восток, насилие в отношении мирных жителей Донбасса со стороны киевской власти и прочее. Такое избирательное внимание может указывать на сложность и амбивалентность нашего понимания справедливости и морали на мировой арене. Это главные причины начала боевых действий, есть и другие, например, открытая, массивная русофобия, поощряемый Западом киевский нацизм и т. д. В основе таких конфликтов часто лежит столкновение не только интересов, но и ценностных систем, что делает их особенно сложными для разрешения.

Нарастающая напряженность между различными политическими силами в сфере международных отношений, отражающая глубокие идей-

ные и культурные разногласия, как и открытое вооруженное противостояние, является одним из признаков нетрадиционной войны. Это подчеркивает, что война и мир в наше время стали менее дихотомичными понятиями, и между ними возникает обширная «серая зона». И кульминацией подобного напряжения становится открытый вооруженный конфликт. Но даже в моменты наибольшего кризиса человеческий дух и стремление к миру могут давать шансы на примирение и восстановление. Однако и вооруженное противостояние не всегда способно поставить точку в нетрадиционной войне, отличающейся от традиционных войн неопределенностью [9]. Эта неопределенность может быть приглашением к более глубокому размышлению о природе человеческого конфликта и о том, как общество могло бы лучше управлять этими конфликтами и разрешать их.

Таким образом, нетрадиционная война представляет собой вооруженный конфликт, отличающийся высокой степенью неопределенности. Эта неопределенность может быть отражением более широкой экзистенциальной проблемы нашего времени, где традиционные границы и категории становятся всё менее ясными. Участниками противостояния могут быть как государства, так и негосударственные субъекты, что подчеркивает растущую сложность международного порядка, где власть и влияние могут быть децентрализованы. Их промежуточные или конечные цели, а также методы достижения этих целей могут варьироваться, что подчеркивает относительность и многогранность человеческого опыта в современной эпохе. Широкая вовлеченность гражданских лиц в вооруженный конфликт как мишеней демонстрирует трансформацию линии разделения между фронтом и тылом, между бойцом и гражданским лицом, что может вызывать глубокие моральные и этические дилеммы. При этом стоит отметить, что в нетрадиционных войнах даже собственные граждане могут стать мишенями и объектами для провокаций в качестве элемента информационной войны. Такой подход может вызывать рефлексии о ценности человеческой жизни и о том, как общество и индивиды могут сохранять свою человечность в условиях кризиса.

Анализ нетрадиционных войн необходимо проводить с учетом глубокого понимания природы человеческого конфликта и его отражения в современном мире. В первую очередь следует обратить внимание на такие критерии (помимо уже принятых двух критериев, относящихся и к традиционным войнам), как цели каждой из сторон-участниц, их выгоды, а также методы ведения борьбы. Цели и выгоды часто могут отражать глубокие идеологические, культурные или экзистенциальные различия между участниками конфликта. Последний критерий особенно важен в ситуациях, когда способы ведения войны направлены на граждан или гражданские объекты, подчеркивая глубокие моральные и этические дилеммы, которые возникают в условиях глобализации и сложности современного мирового порядка. Как раз этими вопросами занимается международное гуманитар-

ное право, стремясь сохранить человеческую суть даже в самых сложных и драматичных обстоятельствах.

Международное гуманитарное право и войны нового типа

В сердце всякого закона лежит стремление к справедливости и порядку, и международное гуманитарное право не является исключением. Главный вопрос в данном контексте заключается в том, как принципы справедливости и защиты невинных могут быть применены в условиях, когда сама природа войны трансформируется. Женевские конвенции 1949 г., созданные в эпоху, когда мир только начал оправляться от ужасов Второй мировой войны, установили, что международное гуманитарное право может применяться только в ситуациях вооруженного конфликта. Такое ограничение отражает глубокое понимание того, что даже в условиях наибольшего хаоса и разрушения должны существовать основные принципы, которые уважаются и соблюдаются. Поэтому международное гуманитарное право является *lex specialis*. Оно представляет собой особый набор норм и принципов, направленных на обеспечение человечности в самых тяжелых обстоятельствах. Если ситуация не сводится к вооруженному конфликту, будут применяться другие нормы, но не международное гуманитарное право. Это подчеркивает глубокое уважение к человеческому достоинству и стремление к сохранению жизни и благополучия, даже когда традиционные структуры и определения становятся неясными.

Международный Комитет Красного Креста, будучи символом гуманности и заботы о страдающих в условиях конфликта, выступает за широкое применение Женевских конвенций. Основной идеей здесь является убеждение, что ценность человеческой жизни и достоинства превышают любые политические или юридические тонкости. Таким образом, приоритетом должна быть действенная защита людей, а не дискуссия по поводу формальных определений. В мире, где военные конфликты часто становятся сложными и многоуровневыми, где границы между воюющими и мирными нарушаются, философия универсальной защиты становится еще более важной. Отсюда возникает резонный вопрос, оправдан ли узкий подход к международно-правовому регулированию войн современности, имеющий место в нормах международного гуманитарного права? Это побуждает нас к размышлению о том, должны ли правовые системы быть гибкими и адаптивными, чтобы отвечать на вызовы меняющегося мира, или они должны оставаться неизменными, служа качественными маяками в мире перемен? Насколько гибким и адаптивным должен быть закон, чтобы оставаться эффективным и не терять при этом свою первоначальную цель – защиту человеческого достоинства?

Юридические определения, как правило, обладают конкретной четкостью, которая позволяет различать разные ситуации и применять соответствующие правила. Однако в мире, где реальность часто оказывается сложнее любых определений, становится очевидной потребность в гибко-

сти и адаптации. Поиск ответа на заданный вопрос существенно осложняет отсутствие юридического определения вооруженного конфликта/войны, что затрудняет процесс отнесения того или иного факта насилия к вооруженному конфликту. Здесь мы сталкиваемся с дилеммой: следует ли придерживаться строгих определений, даже если они не отражают сложной реальности, или же нужно стремиться к более гибким интерпретациям, которые могут потерять свою конкретность? Поэтому важно учитывать те цели, которые преследовали государства – составители Конвенции. Эти цели, безусловно, были вдохновлены стремлением защитить человеческую жизнь и достоинство даже в условиях самых жестоких конфликтов. Если конфликт не признается вооруженным, он считается внутренним правонарушением, что поднимает философский вопрос о том, должны ли суверенные государства иметь абсолютный контроль над своими внутренними делами или существует универсальный стандарт прав человека, который должен быть уважен вне зависимости от государственных границ? Как только конфликт юридически признается именно вооруженным конфликтом, он вносит свой вклад в более глобальный диалог о том, что значит жить в мире, где война и мир часто взаимосвязаны и взаимозависимы.

В международных конфликтах элементом, который действительно позволяет определить их как войну (вооруженный конфликт), является позиция вовлеченных сторон, то есть их оценка ситуации. Это поднимает интересную философскую точку: война, как и многие другие аспекты человеческого опыта, во многом определяется восприятием и намерениями участников, а не только объективной реальностью. Другими словами, военные действия или военная деятельность между двумя или более государствами считаются войной только в том случае, если такие государства добровольно участвуют в военных действиях против другого государства. Здесь мы видим, что война в своей сущности не просто физическое столкновение армий, но и моральный и идеологический конфликт, отражающий глубоко укоренившиеся убеждения и ценности участвующих сторон. Это делает войну не только борьбой за территорию или ресурсы, но и за умы и сердца людей.

Международный Комитет Красного Креста полагает, что продолжительность и последствия конфликтов (с точки зрения людских потерь, ранений и нанесенного ущерба) не являются существенными для классификации военных действий как войны или чего-то не относящегося к войне [6]. Однако ученые утверждают, что в действительности «относительно незначительное применение силы между государствами <...> не обязательно должно рассматриваться как составляющее вооруженный конфликт» [3].

Определение вооруженного конфликта является вопросом, актуальным как для нетрадиционных, так и для традиционных войн. Отсутствие общепринятого определения войны является одной из проблем при-

менимости международного гуманитарного права и влияет на классификацию конфликтов в нем.

Однако если та или иная ситуация однозначно сводится к вооруженному конфликту, международное гуманитарное право проводит различие в своде норм, применимых к двум различным типам вооруженных конфликтов – международным или немеждународным. Подобная классификация вполне логична и ясна в применении к традиционным войнам. Однако не всё так однозначно относительно урегулирования вопросов, связанных с нетрадиционными войнами. Ведь одной из наиболее заметных особенностей нетрадиционных войн является именно их интернационализированный характер, помещающий такие конфликты в некую серую зону, в связи с чем вооруженный конфликт нетрадиционного типа не является ни международным, ни немеждународным, согласно современным правовым параметрам [1].

К конфликту, классифицированному как международный, будут применять все нормы, созданные в соответствии с международным гуманитарным правом. Если конфликт носит не международный, а локальный характер (мятежи, бунты, революции в отдельно взятой стране), в соответствии с Общей статьей 3 Женевских конвенций к нему в качестве минимального стандарта будут применяться лишь несколько норм.

При этом стоит отметить, что нетрадиционные войны плохо вписываются в предложенную международным гуманитарным правом классификацию. Так, особенностями нетрадиционных войн, влияющими на их категоризацию по международному гуманитарному праву, считаются следующие факторы:

а) трансграничный охват, т. е. эти войны выходят за границы одного государства различными способами, такими как перемещение военных действий за его границы или даже через воздействие на международной арене, которое не является сугубо территориальным, например, через информационную и финансовую поддержку третьего государства одной из сторон конфликта;

б) качественная характеристика сторон, непосредственно вовлеченных в борьбу, в которой часто участвуют вооруженные негосударственные субъекты, такие как нерегулярные боевики, повстанцы, сотрудники частных военных предприятий и даже террористические группы, а также транзитное государство, через которое перебрасываются военные силы, или даже государство, на территории которого не происходит никакой борьбы.

Другими словами, два критерия, используемые Женевскими конвенциями для классификации вооруженных конфликтов (территория и качественная характеристика сторон), в связи с самими особенностями нетрадиционных войн не позволяют описать их в традиционных правовых категориях [8].

Вообще, «существование международного вооруженного конфликта, соответственно, требует анализа ситуации, включая такие факторы, как

намерения вовлеченных государств и то, могут ли военные действия восприниматься как всеобъемлющие» [5]. Это подчеркивает, что война – это не просто материальное столкновение, но и интеллектуальное и духовное. Международное гуманитарное право ограничивает классификацию конфликтов парадигмой «или/или», в которой конфликт либо происходит между двумя или более государствами, и в этом случае он является международным, либо в конфликтах участвует только одно государство (и один или несколько негосударственных субъектов), и в этом случае он не может быть международным. Такое деление может отразить человеческую потребность в порядке и классификации, но также может затруднить понимание более сложных и многогранных конфликтов, которые выходят за рамки этих категорий. Вопрос о том, что делает войну «войной», далеко не новый и был предметом размышления философов на протяжении веков.

В соответствии с Общей статьей 2 Женевских конвенций 1949 года для отнесения вооруженного конфликта к международному по крайней мере два государства должны быть вовлечены в войну друг против друга. Этот параметр исключает из международно-правовой сферы многие современные нетрадиционные конфликты, когда в вооруженном конфликте открыто участвует только одно государство [4].

При этом не всегда войны, которые не относятся к международным вооруженным конфликтам, однозначно можно отнести к немеждународным согласно критериям, установленным в Конвенциях. Эта дилемма пронизывает многие аспекты человеческой истории и отражает проблему бинарности в человеческом мышлении – нашу тенденцию к категоризации и упрощению сложных явлений. Это объясняется тем, что Общая статья 3 Женевских конвенций устанавливает, что немеждународный вооруженный конфликт должен быть локализован в границах одного государства. На философском уровне это поднимает вопросы о суверенитете, идентичности и природе государства. Из этого следует, что в военных действиях может принимать участие только государство, на территории которого происходит конфликт. Однако в глобализированном мире, где границы и идентичности становятся всё менее четкими, такое определение может потерять свою актуальность и применимость.

Таким образом, в международном гуманитарном праве существует реальная проблема, связанная с границами его применимости. Эта дилемма приводит к более глубокому философскому вопросу о природе границ и ограничений. Во всем, от карты мира до концепции суверенитета, человечество стремится к установлению четких границ. Однако реальность часто более сложна и неоднозначна. Ведь нет никакого способа узнать, изучая положения Женевских конвенций и Протоколов к ним, какая норма должна применяться в вооруженном конфликте, в котором участвует только одно государство, но который выходит за границы этого государства. Это вызывает к размышлениям о пластичности и непостоянстве границ в современном мире. Оба типа, отмеченные Конвенциями, являются слишком

ограниченными и узкими, оставляя за пределами своих параметров войны нетрадиционного характера. Это ставит нас перед необходимостью переосмысления основ, на которых строятся наши правовые и моральные системы.

Заключение

Приведение правовой базы в соответствие с реалиями современных нетрадиционных войн является важным шагом к преодолению возникших сложностей. Однако не менее важным действием в подобных обстоятельствах становится недопущение того, чтобы политические мотивы одной из сторон вооруженного конфликта стали бы главным аргументом в использовании возможностей международного гуманитарного права (а также пробелов в нем) для получения собственных политических выгод. Именно такая беспрецедентная в современной истории ситуация складывается вокруг России из-за войны на Украине.

На Россию оказывается колоссальное давление, начиная с всеобъемлющих экономических санкций, заканчивая провокациями и притеснением российских спортсменов. И главным обвинителем выступили США, которым неоднократно думающие люди припоминают и Югославию, и Ирак, и Сирию, и Ливию в свете последних событий на Украине и обвинений России в агрессии. США не ответили за эти акты военной агрессии по международному гуманитарному праву. Вместо этого они нагло сами судили (а фактически просто убили) и С. Хусейна, и М. Каддафи, а также способствовали смене политического руководства в своих интересах во многих странах мира, в том числе и на Украине. Но самое неприемлемое в ситуации на Украине связано с тем, что международное гуманитарное право не смогло и не может защитить население Донбасса в течение восьми лет от агрессии и террора собственной власти. Это еще раз доказывает, что само по себе право, даже самое справедливое и практически лишенное недостатков, не может считаться эффективным инструментом на практике, если им вооружилась политическая группировка с узкими агрессивными целями.

Двойные стандарты, провокации на поле боя, «накачивание» Украины оружием и живой силой третьими странами, информационная война, санкционное давление и многие другие признаки сигнализируют о дальнейшей модификации нетрадиционной войны, оснащении ее новыми современными технологиями, ее усложнении, возникновении принципиально нового оружия и способов ее ведения. В данном исследовании представлен широкий спектр вариантов большей эффективности применения норм международного гуманитарного права. При этом необходимо сегодня направить его применение на новые вызовы, спровоцированные нынешними обстоятельствами, которые косвенно уже указывают не просто на новый тип вооруженного конфликта, а на один из вариантов третьей мировой войны.

Список литературы

1. Алексеева-Карневали О.А. Топологии войны: война как «трансформация»: от Клаузевица до советской военной теории. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2019. 300 с.
2. Данниген Д.Ф., Бэй О. Горячие точки XXI века: как будут развиваться события. М.: ЭКСМО, 2014. 825 с.
3. Кузина С.И. Политическое насилие и современные информационные войны. Ростов-на-Дону: Изд-во Южно-Российского института – филиала РАНХиГС, 2016. 174 с.
4. Пещеров Г.И. Развитие теории войны в условиях современной глобализации. М.: Информационно-издательское управление МГОУ, 2013. 157 с.
5. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 831 с.
6. Социальная история Второй мировой войны: современные методологические подходы, проблемы и перспективы: сборник научных статей. Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. 91 с.
7. Сучков М.А., Тэк С. Будущее войны: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», август 2019. М.: Совет по внешней и оборонной политике [и др.], 2019. 24 с.
8. Тюшкевич С.А. О законах войны: вопросы военной теории и методологии. М.: Проспект, 2017. 349 с.
9. Уиг Ф.-Б. Неоднозначность понятия войны // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91, № 873. С. 25–44.
10. Carey J., Dunlap W. International Humanitarian Law: Origins. N.Y: BRILL, 2003. 1100 p.
11. Endress Ch. Die Vernetzung einer gesamtstaatlichen Sicherheitsarchitektur des Politikfeldes. Innere Sicherheit im Spannungsverhältnis von politischen Interessen und sich wandelnden Bedrohungen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. 298 s.

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE ERA OF UNCONVENTIONAL WARS: CHALLENGES AND PROSPECTS

A.A. Kovalev

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

The article examines the impact of changes in the geopolitical, technogenic and socio-cultural reality of the beginning of the XXI century on the nature of wars and the application of international humanitarian law. The problems of defining and classifying unconventional wars, as well as the specific features of such wars, including their cross-border nature and the participation of armed non-State actors, are analyzed. The main characteristics of non-traditional wars and their difference from traditional wars are revealed, as well as problems in the classification of armed conflicts based on the Geneva Conventions. It is noted that non-traditional wars do not fit well into the classifi-

cation proposed by international humanitarian law and that standard norms and values governing relations between nations are being rethought due to non-traditional wars. It has been proven that in non-traditional wars, even their own citizens can become targets within the framework of an information war. It is concluded that there is a need to rethink the foundations on which our legal and moral systems are built, especially in light of the difficulties of classifying non-traditional wars.

Keywords: *unconventional war, international humanitarian law, Geneva Conventions, International Red Cross, international and non-international military conflicts.*

Об авторе:

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Author information:

KOVALEV Andrey Andreevich – PhD (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.12.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 12.01.2024.